

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ 1979–1989 гг.: ИНТЕРВЬЮ С ИГОРЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ БЕЗБОРОДЫХ (ЧАСТЬ I)¹

Д.Д. Челпанова

Аннотация. Афганская война (1979–1989 гг.) – трагическое событие в исторической памяти нашей страны. Наибольшие военные потери со времен Великой Отечественной войны Советский Союз понес во время войны в Афганистане. За период с 1979 г. по 1989 г. военную службу в Афганистане прошли 620 тысяч военнослужащих, более 15 тысяч из них погибло. Живые свидетельства участников Афганской войны, полученные в ходе интервьюирования, помогают глубже изучить антропологию военного конфликта через пережитый опыт комбатантов. В данной публикации представлена первая часть интервью с Игорем Николаевичем Безбородых, уроженцем г. Гуково Ростовской области, проходившим срочную военную службу в Афганистане с 1984 г. по 1987 г. в морских частях пограничных войск Комитета государственной безопасности СССР в звании старшего матроса. Встреча с ним состоялась 2 июня 2017 г. в офисе Государственного казенного учреждения «Казачи Дона» в Гуково. В ходе беседы респондент рассказал о военной подготовке к службе в Советской армии, об отношении к комбатантам, о специфике своей военной службы в пограничных войсках, о взаимодействии родов войск, оценил степень информированности советского общества об Афганской войне.

Ключевые слова: Афганская война, 1979–1989, Афганистан, СССР, интервью, воспоминания, воин-интернационалист, ветеран, комбатант.

Челпанова Диана Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, chelpanova@ssc-ras.ru.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ проекта № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII–начале XXI в.: история, демография, антропология».

MEMOIRS OF THE VETERAN OF THE AFGHAN WAR 1979–1989: INTERVIEW WITH IGOR NIKOLAEVICH BEZBORODYKH

D.D. Chelpanova

Abstract. The Afghan war (1979–1989) is a tragic event in the historical memory of our country. The greatest military losses since the Great Patriotic War the Soviet Union suffered during the war in Afghanistan. During the period from 1979 to 1989, 620 thousand soldiers passed military service in Afghanistan, more than 15 thousand of them died. The living evidence of the participants in the Afghan war obtained during the interviews helps to study the war anthropology more deeply through the experience of combatants. This article presents a part of a large interview with Igor Nikolayevich Bezborodykh, a citizen of Gukovo town, Rostov Region, who had been in military service in Afghanistan from 1984 to 1987 in the Navy of the Border Troops State Security Committee of the USSR with the rank of a senior sailor. The meeting with him took place on June 2, 2017, at the office of the State Treasury Institution “Cossacks of the Don” in Gukovo, Rostov Region. The interview was dedicated to military biography and everyday life. During the conversation, the respondent spoke about military preparation for service in the Soviet army, assessed the level of public awareness about the Afghan war, attitudes towards combatants, about the specifics of military service the Navy of the Border Troops, about the interaction of military branches, and about the Afghan war peculiarities.

Keywords: Afghan War, 1979–1989, Afghanistan, DRA, USSR, interviews, memoirs, participant, internationalist warrior, veteran, combatant.

Chelpanova Diana D., Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Federal State Budget Institution of Science “Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences”, 41, Chekhov av., Rostov-on-Don, 344006, Russia, chelpanova@ssc-ras.ru.

Воспоминания участников Афганской войны помогают глубже изучить антропологию данного вооруженного конфликта через пережитый опыт комбатантов [Афганистан живет..., 2006; Громов, 1994; XX век: Письма войны, 2016]. Однако мемуары, как правило, отражают только те сведения, о которых хочет рассказать сам автор, что не всегда совпадает с научным замыслом исследовательского проекта. Поэтому особое место среди источников личного происхождения, обладающих высоким эвристическим и информативным потенциалом, занимают интервью, в ходе которых исследователь самостоятельно определяет тематическую направленность беседы в зависимости от поставленных им целей и задач.

В рамках проекта «Войны и население юга России в XVIII–начале XXI в.: история, демография, антропология», поддержанного Российским научным фондом, в 2017–2019 гг. проводилась серия интервью с целью изучения военной повседневности и ее отражения в памяти жителей Юга России. Всего было опрошено 23 ветерана Афганской войны. Одним из респондентов стал Игорь Николаевич Безбородых [Безбородых, 2017], интервью с которым представляет особый интерес в силу специфики его службы и выполнявшихся им воинских обязанностей.

И.Н. Безбородых родился 1 сентября 1965 г. в г. Гуково Ростовской области. Учился в Гуковской средней школе № 9, а затем в Гуковском строительном техникуме, который окончил в 1984 г. В этом же году был призван в армию. С мая 1984 г. по ноябрь 1984 г. проходил службу в 1-м Отдельном учебном отряде морских специалистов пограничных войск КГБ СССР в г. Анапе, с ноября 1984 г. по май 1987 г. – в 45-м Отдельном дивизионе сторожевых катеров в Краснознаменном Среднеазиатском пограничном округе. Основным местом службы являлся Термезский погранотряд (г. Термез, Узбекская ССР). За время службы также бывал в командировках в Керкинском, Пянджском, Тахтабазарском пограничных отрядах.

По окончании службы вернулся в Гуково, работал в сфере ЖКХ, возглавлял автошколу ДОСААФ. Затем работал в администрации г. Гуково. В настоящее время – директор управляющей компании. Окончил Ростовский государственный экономический университет. С 1987 г. занимается активной общественной деятельностью, которая связана с исторической и военно-патриотической тематикой, активно участвует в казачьем движении. В настоящий момент избран атаманом городского казачьего общества. Женат, четверо детей и трое внуков. Имеет статус участника боевых действий, награжден двумя медалями. После службы за активную деятельность был удостоен наград федеральных ведомств.

Интервью с И.Н. Безбородых проводилось 2 июня 2017 г. в г. Гуково Ростовской области, в офисе Государственного казенного учреждения «Казачи Дона». Продолжительность интервью составила 292 минуты. Интервью проводила Д.Д. Челпанова, расшифровывала Н.А. Власкина. Вопросы интервьюера выделены полужирным шрифтом, редакторские исправления и добавления в тексте внесены в квадратных скобках. Интервью публикуется с незначительными сокращениями, которые обозначены многоточием в треугольных скобках. Текст интервью публикуется с разрешения респондента.

В данной публикации представлена первая часть интервью, в которой респондент рассказал о военной подготовке к службе в Советской армии, оценил степень информированности советского общества об Афганской войне и ее особенностях, ответил на вопросы об отношении к комбатантам, о специфике своей военной службы в пограничных войсках, о взаимодействии родов войск.

Игорь Николаевич, где и когда Вы родились?

1.09.1965 г., г. Гуково [Ростовская область].

Участником какого вооруженного конфликта Вы являетесь?

Демократическая Республика Афганистан.

Чем Вы занимались до участия в конфликте? Где работали, учились? Где жили?

Заканчивал Гуковский строительный техникум, жил в Гуково до призыва. Призывался в 1984 году. Служил три года в морчастях погранвойск. Такая служба была. В 1987 году демобилизовался и опять вернулся в Гуково.

В каком возрасте Вы попали в Афганистан?

Мне было 19 лет. Как раз после учебки. Полгода учебка у нас была в Анапе (там учебка морчастей погранвойск). И с декабря где-то 1984 года по май 1987 года. Два года с «хвостиком» получается. Два года и шесть месяцев.

Как проходил призыв в армию?

Как всегда в то время. Большое застолье, гулял весь поселок. Гуляли и знакомые, и незнакомые. На сборный пункт пришли, там несколько было таких компаний. Вместе там, на этом сборном пункте, все эти компании друг другу наливали спиртное, ну т.е. было попроще... И соответственно, со сборного пункта попали в Батайск, попали по распределению в команды. И уже со сборного с Батайска отбыли в учебное подразделение. Мы немного в Батайске провели там [в сборном пункте]. Обычно команды ждали в то время много, ребята были на сборном пункте по двое, по трое суток. А мы где-то сутки или полтора были, т.е. поезд на Тоннельную [железнодорожная станция в Краснодарском крае], на Тоннельной мы выгрузились, и нас встретили там из части из воинской, вот из учебного подразделения. Вот так попали в учебку и таким вот образом служба началась. Значит, ну, провожали, да, провожали не чета сейчасного, конечно. Т.е. если поселок, я сам вырос на поселке шахты «Ростовской», фактически с детства там друг друга все знали, он на тот момент еще и не очень так разросшийся был. Гуляли, конечно, очень здорово. Будем говорить так [смеется]. Ни у кого не вызывало это никаких вот не отторжений, никаких сомнений, так что хорошо проводы проходили.

Специальная подготовка достаточна ли была для участия в боевых действиях?

Дело в том, что большую часть ВУСовскую (военно-учетную специальности) и огневую подготовку или более или менее какую-то для службы готовность мы, конечно, уже шлифовали в учебке. Но значит, порядка, наверно, класса с пятого

или с шестого вполне серьезно занимались начальной военной подготовкой. Вот я учился в школе № 9 на поселке, значит я Вам могу сказать, ну где-то с седьмого класса у нас даже в подвале был тир, мы стреляли из мелкокалиберного оружия, у нас в школе было мелкокалиберное оружие, т.е. разборка, сборка автомата – это вообще, как бы не обсуждалось, было в порядке вещей, для нас это было такой радостью, очень нравилось. Теперь если брать понятие строя, понятие перестроения и т.д. – это в меньшей степени, конечно, было задействовано, но оно присутствовало на уроках начальной военной подготовки. Более, конечно, глубоко все это дело проходило уже в техникуме. Потому что там совсем жестко было. Если в школе мы должны были быть в опрятном виде, подстрижены, галстуки обязательно, девоньки заколоны [подобраны волосы]... юбочки до определенной длины, т.е. без этого не допускали на уроки НВП [начальной военной подготовки]. Если что не так, всегда возникал скандал, т.е. ну какая-то дисциплина в этом присутствовала. В техникуме было еще жестче с этим делом, т.е. на уроке НВП мы, если это уроки были не практические, мы обязаны были быть всегда в белых рубашках и в галстуках обязательно, т.е. [это] какая-то теоретическая часть. Если это практические какие-то занятия, естественно, по практическим занятиям мы уже что-то одевали попроще, ну опять же от того как преподаватель все это дело объявлял. Преподаватели, как правило, это всегда были бывшие офицеры, которые у нас вели предметы, кроме НВП, они, как правило, тоже где-то поучаствовали в каких-то локальных конфликтах, которые особо не афишировались в советское время, понятно, да, что ситуация такая была. Но они [офицеры] передавали [знания], они старались научить именно военному делу. Насчет требовательности, насчет того, что мы должны быть готовы к какой-то ситуации нестандартной. Я могу сказать так, где-то восьмой, девятый класс по уровню мы практически все уже владели спокойно огнестрельным оружием, знали понятие строя. Это то, что касается именно военной подготовки, не имея жестких ВУСовских [военно-учетная специальность], допустим, навыков. ВУС – это военно-учетная специальность, т.е. в армию кто идет, каждый получает [военно-учетную специальность]. Допустим, собеседник [сидящий напротив мужчина] у нас – снайпер, я – старший моторист для двигателей внутреннего сгорания для погранвойск, т.е. я получил в учебке такой ВУС, я мог заниматься дизелями, фактически для погранвойск, ремонтами и т.д. То, что касается физ[ической] подготовки, настолько программа физвоспитания была скомпонована с именно уроками начальной военной подготовки, что нормативы осваивались достаточно хорошо.

В учебку попали, как правило, ребята с уже более или менее пониманием азов. Естественно, у нас отбор был тогда... Погранвойска относились к Комитету государственной безопасности, т.е. естественно мы и здесь [в Гуково] какой-то отбор проходили. Собеседование проходили и мы, и наши родители, моих родителей приглашали в комиссариат. Разговаривали с представителями Комитета госбезопасности, там составляли, не как сейчас тестирования какие-то, [тогда составляли] какие-то психологические портреты, узнавали навыки от родителей. Т.е. подготовка предварительная шла вот по комиссариату, а мы-то об этом и не подозревали. Да я сейчас могу об этом говорить легко, потому что сам участвую в призывной комиссии, да,

по роду своей службы, по роду своей работы. А тогда для меня это казалось как бы взрослым, непонятным. А в результате, когда мы в учебное подразделение прибыли, там прошло у нас дополнительное обучение. Еще у нас почти месяц был до принятия присяги, так называемый курс молодого бойца, карантинные мероприятия. Нашу физподготовку по новой уже перевыявляли, т.е. мы бежали кроссы, отжимались, подтягивались, стреляли, хотя и присяги еще не приняли, нас уже вывозили на стрельбище, давали боевое оружие, мы предварительно стрельбы проводили. Поэтому подготовка, которая проходила, она начиналась, конечно, из школы, в техникуме [подготовка была] более жесткая, в учебном подразделении – соответственно. Но начальных понятий, пониманий и каких-то убеждений не требовалось в учебном подразделении, т.е. все уже что-то понимали, все знали понятия, все знали, как обращаться, по крайней мере, с личным оружием. А военно-учетную специальность уже более плотно получали в учебном подразделении. Для пограничных войск, я насколько знаю, в советское время без учебки люди не попадали на границу, там шел дополнительный контроль, там дополнительно выявляли физические данные, физические возможности, выявляли психологические, психические и т.д. Комплекс был очень неплохой, это то, что мы... пытаемся [делать] в городе [в Гуково], я участвую в этом, в том числе с казаками. Вот школы почему казацкие? Мы потихоньку детей к этому приучаем, эта наша задача, никто не будет нас защищать, никто не будет за нас что-то такое делать. Поэтому мне это близко, понятно и приемлемо. Поэтому мы этим занимаемся.

Где и как Вас известили о том, что Вас направляют в Афганистан? Какие чувства это вызвало? Как провели этот день?

Я писал рапорт сам в учебном подразделении. Мы к концу учебного подразделения, за месяц, за полтора примерно знали, какие у нас будут распределения. Из учебного подразделения морчастей погранвойск направлялись на все флота. Я обучался для службы на малом катере. Это, как правило, [катера] были у нас [на реках] Амур [китайская граница], Амударья – [это] афганская граница, это был вот Днепр [имеется в виду Днестр] – западная граница, и Балтика, и Каспий, Черное море – вот эти прибрежные воды. <...> И значит, там ситуация какая была? Мы могли, т.е. имели право, как и сейчас любой военнослужащий, написать рапорт на своего командира, подать на имя непосредственного начальника (командира взвода) рапорт по выбору места службы. Мы уже столкнулись с тем, что когда мы, молодые, прибыли из Батайска, как раз еще в ротах оставались те курсанты, которые были на выпуске, и мы реально видели тех старшин, которые приезжали, как мы их называли, «покупатели». Они забирали ребят на место дальнейшей службы. Именно вот этих дислокаций дальнейшей службы, после учебки. И когда с ним общались, вот и понимали многие, что кому-то хочется туда, кому-то туда, т.е. уже к концу учебки складывалось это понимание. И мы рапорта писали, дело в том, что мы знали, что афганская граница достаточно беспокойная, уже с ребятами, даже с теми ребятами, что заканчивали учебку, какая-никакая связь была. К тому же были старшины, многие были, которых переводили уже оттуда [из Афганистана], непосредственно с места службы, пополняли вот тот запас военнослужащих, которые в учебном подразделении проводили подготовку.

У нас были офицеры бывшие, которые там [в Афганистане] проходили службу, потом их переводили в учебное подразделение. Вот при всем разнообразии можно было попробовать выбрать. У ребят, которые были на хорошем счету в учебном подразделении, у них была нормальная учеба, подготовка и т.д., были шансы сделать свой выбор. У меня такое право выбора было, поэтому я рапорт писал, я просился сам на афганскую границу. Вот в тот момент впечатление было какое, мы уже знали достаточно, хотя 1984 год был, и в [Советском] Союзе еще не афишировалось особо это дело. Но мы уже знали, что в Афганистане, действительно, непростая ситуация, и не только, как писалось в то время, они там сажают цветы, строят дома, больницы и т.д. Поэтому хотелось поехать, посмотреть, что ж как это... что это все выходит. О том, что там [в Афганистане] придется принимать участие в боевых действиях, в принципе о пограничниках вообще на тот момент никто не знал... и мы даже не знали, но те, что приезжали, они говорили: «Да, нам приходилось отражать атаки на нашу территорию». Это, естественно, вызывало какой-то стимул, что надо поехать, надо посмотреть, проверить. То, что происходит... ну, в мирных условиях это одно, а что-то увидеть своими глазами, тем более, ну на Амуре, будем говорить, – китайцы, с китайцами отношения были достаточно дружеские. Там они [китайцы] тоже строили социализм. То, что происходило на Балтике и на Черном море, там же Турцию не видно через море, далековато. А здесь река [Амударья] вроде бы, ну и соседнее государство [Афганистан], достаточно вызывало такой неподдельный интерес. Поэтому я рапорт писал, мой рапорт удовлетворили, я попал, ну фактически, можно сказать, как добровольно. И когда уже сообщили, у нас команды были расписаны... выпускные экзамены у нас состоялись, и сразу после выпускных экзаменов по сдаче, по результатам, нам объявили эти команды, кто идет на какой флот служить, кто, какие номера команд, кто старший и т.д. И мы – нас трое писали, и там еще ребята, которые были, вот, значит, нас пятнадцать человек из одной роты попало, всего, значит, к нам в подразделение больше сорока, по разным ВУСам. Нас свели в отдельное помещение ротное, и мы уже знали, что едем служить на афганскую границу. Там и мы, и старослужащие... вот интересный момент, который мы очень переживали... значит, нам сказали так: «Ну, вот вы едете служить, ну смотрите, там же река, ну лужа, катеров-то толком нет, значит, сначала на самолете летим, потом едем два дня на поезде, потом три дня на машинах и два дня на верблюдах». Это у нас вызывало шок – как же мы на верблюдах поедем, если мы и вовсе не готовы. Для нас это было шоком, как можно ехать на верблюде, мы себе представить не могли <...> как я буду на этом верблюде, тем более они сказали, что там одnogорбые верблюды, двугорбых нет, а мы как-то по картинкам привыкли, что два горба... А как на одnogорбом... я сопоставляю с лошастью, я не мог понять: как, как можно ездить верхом на одnogорбом верблюде, т.е. для меня это было шоком. Но оказалось, конечно, все более прозаично, на самолете мы долетели до Душанбе, от Душанбе буквально там шесть часов на поезде до точки дислокации – и все, оттуда на машинах не больше нескольких часов, и мы были на месте. Поэтому, конечно, больше пугали... может, кто передумает, кто бросит, потом пугали многие рассказами, в том числе о том, что ребята, смотрите, это же граница, граница боевая... нам не говорили, что будете вы там воевать или не воевать, но говорили: граница боевая, прилететь может в любой момент, т.е. это ответственность.

Насколько я знаю, из нашей роты отказников ни одного не было, никто не отказался, потому что в каком-то таком ключе мы воспитывались, что для нас это было вполне естественно, т.е. мужчина должен идти служить – первое, а если еще есть где возможность себя посмотреть, проверить, так это вообще, понимаете, сказка. Поэтому отказников не было – это я вам точно говорю.

Что изменилось в Вашей жизни и жизни Ваших родных с началом Вашего участия в конфликте?

Ну, мои родные узнали только [улыбается] через год, как я там [в Афганистане] отслужил, где я служил, узнали совершенно случайно, мама полезла искать по карте, где же этот Термез находится, и нашла. У нас было отлажено, если мы выходили, допустим, на точку куда-то... если, не считая выходов, когда по тревоге, поэтому мы обычно выходили на две недели, на двадцать дней. Получали приказ на охрану госграниц, и мы загружались в катера, в большие катера, в малые, и мы выходили на точку, ставили точку на берегу, что река там [улыбается] – это не море, на якоре не постоишь особо. Специфика такая была там [в Афганистане], где были оборудованы места, где можно было катер оставлять. И мы, как правило, на это время (нам рекомендовали и старослужащие ребята, они рассказывали, в этом плане очень здорово), что мы два-три письма обычно делали и оставляли в дивизионе, т.е. и ребята через какое-то время, там через три дня или через четыре дня, они с почтой отправляли. Потом приходили письма, когда обратно... получалась сумятица. <...> Тогда же не было мобильной связи, ничего не было, и позвонить не могли мы – связь была закрытая и очень немногие могли позвонить, только в крайних-крайних случаях, тогда, когда что-то дома случилось или что-то еще – и то у кого телефон был домашний, потому что так по-другому было невозможно. И моя мама, когда начала чувствовать, что что-то неладное... Я уже год почти прослужил, уже осень была 1985 года, и она мне задавала вопрос в письме: «Как же так, там обстановка-то беспокойная, ничего не пишешь...». А я... мы все ж чего писали: «Цветы растут, солнышко греет, горы красивые, песочек хороший». Поэтому родители переживали, мы их успокаивали, как могли. Я не знаю, у нас единицы были ребят, которые могли там уже в тот момент говорить о том, что они герои. Ну, не у всех хватало такого духу и наглости говорить о героизме там. Но те, кто говорил о героизме, конечно, они попадали в неприятные ситуации, потому что, как правило, письма [усмехается] становились известны военкому, военкомы сообщали дальше, и начиналось: «Вы чего, ребята, творите, зачем родителей дергаете...». Поэтому ситуация такого порядка, поэтому после где-то года службы уже письма [от родителей] стали тревожные, ну успокаивали [родителей], как могли. Ну, родители нам доверяли, потому что мы ж ребята серьезные, мы обманывать родителей не будем, все хорошо, горы высокие, песочек гладкий, солнышко светит и красивые розы растут. Я все маме обещал розу привезти, но так и не довез.

А какая обстановка была здесь, в городе Гуково, когда более или менее появилась информация о том, что там происходит?

Я могу сказать вот по общему плану... это уже когда демобилизовались. Я могу сказать про пограничников, вообще разговор о том, что они принимали участие вот в этих...

[событиях], начался только с 1994 года, откровенно говоря, 1992 год, 1993 год вот чуть-чуть пошло [появилась информация]. Только в 1994 году уже появились какие-то статьи, какие-то вещи про пограничников. Пограничников, мы друг друга, кто служил вот на афганской границе, мы друг друга знали в лицо. Вот даже [из] Гуково у нас служили двое. Потом луганские [из Луганска, Юго-Восток Украины] – он вообще до войны [вооруженный конфликт на юго-востоке Украины, начавшийся в 2014 году] в Луганске был председателем клуба воинов-интернационалистов, потом из Союза ветеранов Афганистана, он тоже в соседнем отряде служил. В Донецке тоже достаточное количество пограничников [кто служил на афганской границе]. Парень активный переехал сейчас... это в Сулине, мы друг друга в лицо знали. И вопрос в том, что о нас, о пограничниках... практически до 1994 года никто и не говорил. В 1994 году, уже когда в открытую начали говорить, тогда мы уже более или менее замелькали. <...> [Когда демобилизовались], сразу попали в клуб воинов-интернационалистов, потом позже стал [называться] Союзом ветеранов Афганистана, естественно, по Гуково. У нас [в Гуково] председатель клуба воинов-интернационалистов Глазачев Валерий Иванович¹ был. <...> Председателем... довольно долгое время [был]. Я когда демобилизовался, он в комиссариате данные брал по демобилизованным и соответственно встречался на тот момент и сразу говорил: «Если будут проблемы, что-то там непонятное и т.д., ты подходи, я вот там-то нахожусь, я бываю там-то, там-то, там-то». Ну, если я не ошибаюсь, он [Глазачев В.И.] тогда на шахте работал, тогда на БШУ², и клуб был, это как общественная нагрузка. Поэтому для города у нас событие было другое, когда мы собирались на какие-то памятные дни. Значит, сначала это было соответственно 27 декабря, особо не афишировали, вот, но опять же в тот момент, это 90-е годы, начало [1990-х гг.], когда мы одевали камуфляжи, выходили, то люди уже знали, что это идут хлопчики, которые сегодня гуляют. Поэтому, я честно говорю, в советское время таксисты нас домой развозили, они денег не брали, просто не брали, потому что... чего скрывать, естественно, после гулянок кто-то больше, кто-то меньше [употреблял спиртное] [смеется]. Поэтому выходили мы, старались ребят по домам поразвести, и чтоб нигде не попадали, не дай Бог [в неприятные ситуации]. Поэтому таксисты многие относились [с пониманием] ... отвозили, вопросов нет. Я уж не говорю об общественном транспорте, там вообще это не напрягало. И простые люди, в большинстве своем, я скажу, наверно, 99,9%, они относились к «афганцам» в памятные дни, я не знаю, как это назвать, ну не с жалостью, а с пониманием того, что у людей не все адекватно там, где-то с психическим состоянием. Т.е. почему так относились? <...> Собственно, о войне в Афганистане начали говорить как о войне примерно в 1992 году. До этого термина такого не было. [До 1992 года] говорили о том, что исполняли интернациональный долг в Афганистане, и все это

¹ Глазачев Валерий Иванович (род. 11 мая 1961 г.) – принимал участие в Афганской войне, проходил службу в 70-й отдельной гвардейской мотострелковой дважды Краснознаменной орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригаде в период с 1980 по 1981 гг. Был первым председателем клуба воинов-интернационалистов, организованного в г. Гуково Ростовской области. В настоящее время заведует отделом по работе с административными органами и казачеству в администрации города Гуково.

² Шахта «Бургустинская» – угледобывающее предприятие в Красносулинском районе Ростовской области. Входила в ОАО «Гуковуголь». Добыча угля прекращена в 2002 г. Шахта ликвидирована, работает только водоотливный комплекс.

как-то воспринимали нормально. А вот, собственно, люди, которые после [Великой] Отечественной войны, которые уже в послевоенных кризисах принимали участие, это... в Карибском [кризисе], в Чехословакии, также участники военных кризисов, происходивших в 1960-х гг. Уже после моей службы, мне с ними доводилось [общаться], потому что... вдруг нашлись общие темы, какие-то переживания общие, интересы, а как же у вас было, а как же у нас... Я уж не говорю о том, что, начиная с Карабахского кризиса, [затем] Приднестровье пошло – в общем, много людей участвовало в военных кризисах вообще... и они оказались вообще не при деле. Понимаете, с ними интересно тоже было б пообщаться, хотя они ж тоже, пусть как-то временно, но они достаточно тоже побывали в каких-то военных условиях. Тут же почему-то мы вот сейчас говорим, что вот осетино-грузинская война, вот эти восемь дней. Но мы же ее не скрываем, что да... люди действительно и погибли, и получили ранения, и какие-то стрессы психологические, а почему-то вот те, которые попали, допустим, в Абхазию, в Баку, да... или в 1968 году, в Чехословакию... о них мы как-то в меньшей степени говорим, а они не меньше испытали и пережили. Поэтому, я думаю, люди с пониманием относились.

Вопрос, насколько сильны эти настроения были внутри вот этих групп, которые, как правило, общались друг с другом? ... Можно говорить, «афганцы» [участники Афганской войны] с [другими] «афганцами» в большей степени все равно общий язык находят. Как мы говорим сейчас, «чеченцы» [участники вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики] с [другими] «чеченцами» [находят общий язык]. Те, кто в 68 году попал [в Чехословакию], те с ними [участниками Чехословацкого кризиса]. Те, кто участвовал в Карибском кризисе, естественно, те друг с другом [общаются], потому что [у них] свои какие-то маленькие интересы, естественно, даже какие-то... возрастные настроения. Поэтому воспринималось все как-то [одинаково] и воспитывались в одной какой-то [общей] системе. А население в большей степени адекватно [относилось к «афганцам»], 99,9 %, простого населения. <...> Но потом уже, когда сформировались уже общественные движения, когда сформировались и начали бурчать за спиной, но на них особо внимания не обращали. Сейчас их называют «диванные воины». Мы и тогда на них внимание не обращали. <...> Население нормальное у нас. Я помню, у нас погиб капитан Харин такой, его похоронили на двадцатой [район города Гуково], он вертолетчик-«афганец», а я еще не призывался, когда его похоронили, а он погиб в Афганистане. Когда его хоронили, мы (я же говорю, поселок-то небольшой на тот момент был), значит, и то все знали, что он погиб при испытании какого-то летательного аппарата. А уже когда [смеется] мы призвались, а оказывается, вертолетчики у нас легендами были, знали чуть ли не поименно, потому что без вертолетчиков – ну достаточно сложно было где-то в каких-то местах выкрутиться. И когда уже попали [в Афганистан], когда узнали, что, он [капитан Харин], действительно, оказывается, принимал участие в боевых действиях, действительно, они сбиты были, эти ребята. А люди зачастую, они, многие-то, и не знали, хотя тем не менее, когда памятные даты, когда мы ездили ребят поминали по могилкам, собиралось достаточно много людей на этих небольших поселках [районы города Гуково].

Сейчас уже не так, уже разрозненно. Эти два десятилетия или два с лишним десятилетия, они серьезно повлияли на понимание службы, ответственности, своего

долга и гражданского долга. <...> И многие вещи мне как гражданину, они мне не нравятся, но сделать я ничего не могу, поэтому... Что могу, то делаю, вот экземпляр сзади стоит [указал на вошедшего сына и смеется]. Они пришли заниматься в клуб, у нас [есть] военно-патриотический клуб «Рубеж» кроме «Русича» [военно-патриотического клуба]. <...> Я как пограничник, мы организовали такой клуб «Рубеж», они [молодые ребята] повзростали... пока плохого слова от них ни от кого не слышал, поэтому это тоже какой-то показатель.

Показатель Вашей хорошей работы?

Может быть не моей, может быть отношение людей. Дело в том, что даже клуб создать в то время – это не только прихоть. Любого чиновника можно было перетянуть на свою сторону. Я ж тоже не родился руководителем, набивал где-то шишки, также учился. Но к любому чиновнику можно было прийти и сказать ему о том, что работа будет строиться на том, чтобы эти мальчишки не пошли пушечным мясом в первую очередь, в какую-то заваруху... какая б она не была, эта «дырка» [военный конфликт], как мы ее называем. И любой чиновник, любой, я повторяю, по Гуково я других не встречал, в области [Ростовской] были, там их быстро поправляли. Любой чиновник делал все, чтобы дать зеленую дорогу [для создания военно-патриотических клубов]. Люди [чиновники] понимали, для чего и как это [организовать], они переживали за эти все вещи. Я еще раз говорю – это след [Великой] Отечественной войны, этих всех войн, чиновник – как никто другой, они воспринимали это как свое.

Это, видимо, только те понимали, которые прошли через военные конфликты?

Нет, нет. Я опять же возьму узкое свое направление. Как создавали первые военно-патриотические клубы? Например, «Русич», у нас сейчас он знаменитый. Создавался он как? Три человека у нас собрали ребят – и начали тыкаться, не знали, что [делать]. Ребята бегали, прыгали, играли в футбол, [организаторы] не знали, что делать дальше. [Они] к одному подошли, ко второму, к третьему. Один из них говорит: «Идите в горком комсомола». Мы зашли [в горком], начали кому-то говорить <...> разговаривали громко, видимо, мы ж эмоционально, [нам нужно было] что-то доказать. Выходит первый секретарь горкома комсомола, на тот момент Грибов Евгений Михайлович: «А что это здесь за крик такой? Непонятно: вы чего?» Мы: «Да так и так». Он: «Заходите». Мы прямо к нему заходим, он нас выслушал, мы сумбурно говорили. Он говорит: «Что вы вообще хотите?» Это я сейчас могу коротко сказать – узаконить свои отношения с городом, с властью и т.д., да, это понятно всем, т.е. это на современном языке. А в тот момент мы ему рассказываем о том, что надо [молодым ребятам] бегать, прыгать, а сделать как [не знаем]. Он слушал и говорит: «Хорошо, давайте так...». Он дает направление: «Ребят, так и так, если что не получается, сразу ко мне, не надо к секретарю, а сразу идите ко мне». Все и тогда появились первые документы по военно-патриотическому клубу «Русич». Тогда, может быть, больше было политики, о строительстве [социалистического] общества, но тогда были вещи, которые вполне нас устраивали, где была патриотическая, военно-спортивная, огневая, тактическая подготовка и т.д. Первые инструктора, которые были у нас, это в первую очередь были «афганцы» бывшие

[участники Афганской войны]. Служили же ребята в разных родах войск, разные военно-учетные специальности имели, были разведчики, пограничники, стрелки, снайпера и т.д., т.е. каждый вносил свою лепту [в военно-патриотическое воспитание молодежи], то, что он мог, и в результате получалось неплохо. Сейчас-то уровень совершенно другой, сейчас руководитель «Русича» – это бывший офицер, Сычев Сергей Васильевич, он в Чечне повоевал. Сейчас другой уровень этого клуба, потому что есть финансирование, есть подборка, возможность [выбора] педагогических кадров и т.д. А на тот момент это были бывшие военнослужащие, сержанты, старшины. И если говорить о том, как относились к этим вещам [патриотическому воспитанию молодежи], я убежден глубоко в этом – чиновник ни один не мог игнорировать этого. Во-первых, я могу сказать, политика государства была такая, что если бы он проигнорировал просто, не дай Бог бы узнал кто-то вышестоящий начальник или куда-то вышло, этот чиновник бы на этом месте скорее всего бы не работал, т.е. вот отношение к патриотическому воспитанию, к защите Родины, к подготовке молодежи к этой защите. Оно было достаточно на высоком уровне. Причем это начиналось из школы, я ж повторяю, училище, техникум, институт и т.д.

Какое было отношение горожан к участникам Афганской войны?

По Гуково я могу сказать: очень доброе, хорошее. По Гуково очень хорошее, потому что Клуб воинов-интернационалистов, Союз ветеранов Афганистана в дальнейшем. Мы всегда на все мероприятия приглашали [родителей] ребят, которые погибли в Афганистане. Пока мамы могли в состоянии [прийти], отцы пока были жили, здоровы. Всегда мы – каждый год, минимум один раз [в год] – мы проезжали по захоронениям, там, где они [участники Афганской войны] захоронены. <...> И горожане об этом знали, мы в прессе всегда это показывали, и я считаю, клуб достаточно крепко стоял на ногах, был сильный, и в городе было отношение достаточно любезное, хорошее. Это по нашему городу [Гуково], а дальше как [в других городах] – мне сложно говорить. Своей деятельностью, своей работой, где-то своей сплоченностью, я считаю, афганцы [участники Афганской войны] в свое время имели очень... большой авторитет. У нас, кстати, в тот момент ребята были депутатами в местном совете. Люди очень здорово относились к участникам Афганской войны, и воспринималось так: если это [кандидат] от Союза ветеранов Афганистана, то это все, значит голосовать будем только за него, независимо от того, кто второй, третий, четвертый кандидат, т.е. вот такое было отношение в городе, это я вам точно говорю. Можно было карьеру [легко] сделать [показывает], просто никому, наверно, не надо было [смеется].

Может быть, еще раз повторитесь: вид, род войск, звание, Ваша должность?

Морчасти погранвойск старший матрос.

Опишите боевые задания, в которых Вы принимали участие?

Значит, по большим заданиям – я Вам их не назову. Наша задача была какая... там, где участвовали военспецы, мы закрывали те ниши, где были прорывы в сторону [Советского] Союза. Поэтому даже зачастую, если где-то в глубине гремит, а зона ответственности пограничника, ну если я не ошибаюсь, если я правильно помню, была до 100 км вглубь Афганистана, т.е. и зачастую мы – срочники, нас особо не

оповещали, нас на недельку вот тут и всё, вот как бы смотрите, мимо вас мышь не должна проскочить. Ну поскольку диверсий не было в тот момент в СССР, значит мы со своей задачей справлялись. Единственное, что у нас самое памятное – вещи [бое столкновения], которые происходили, как правило, по реке Пяндж. Она была очень мелководной, ее можно было в хорошие дни проходить вброд, вот там [бое столкновения] происходили всегда, крупных таких, серьезных-то не было. <...> Если выходили туда на службу, бое столкновения проходили, потому что наркотические трафики, контрабанда всегда выходили на реку Пяндж, потому что пытались всегда прорваться, и в то время и в это, потому что систему там не поставишь – горы, река – и приходилось закрывать, как говорится, живым щитом. А если брать по номерам, я Вам не скажу, не расскажу просто...

Потому что все засекречено?

Срочнику никто не даст, но я попытался, даже я хотел попробовать найти свое дело, запросы делал. Мне и то сказали, что архивы-то остались в Узбекистане, а в Узбекистан езжай, личная явка, только под личную явку ты можешь что-то узнать. Туда тоже не ближний свет ехать, ну мне что-то надо было там порешать, я пытался, но мне ответ такой дали, что это был Комитет госбезопасности, а там своя специфика.

Во взаимодействии родов войск были ли какие-то трудности?

Нет, я думаю, отцы-командиры это отлаживали всё. <...> У нас же Пянджский, Термезский и Керкинские отряды, они взаимодействовали, и у нас здесь вообще полное понимание было, потому что мы не делили пограничников. Моряки, которые на вышках были на той стороне, или вертолетчики, те же пограничники, или те же мотоманевренные группы, в которых пограничников сводили, мотоманевренные группы... мы [их] никогда не делили, такого не было. А взаимодействие с теми подразделениями, которые в глубине [Афганистана] находились, соответственно, оно было, но как отлажено, но честно говоря, я Вам скажу так, это по моему пониманию... с высоты срочника, дело в том, что хозяева они [подразделения, находящиеся в глубине Афганистана] там были, да, но когда они приближались к границе, они были вынуждены считаться с тем, что делали пограничники на своей территории до 100 км, потому что мы лучше знали эти районы, тропы, подходы, отходы и т.д. Поэтому взаимодействие у отцов-командиров было отлажено прекрасно. Особенно, я же говорю, по вертолетчикам... Иногда такие ситуации, ну не иногда, а зачастую, куда уже на катере не доберешься, да и пешком, машина точно не пройдет, и если вертолетчики [смеется] чего-то припасы не привезли, не подвезли – совсем худо, тогда тяжело. Поэтому у нас не было такого, я это вполне серьезно говорю, т.е. если взаимодействие отлаживалось, мы так же дежурили, если, значит, мы знали, естественно, связисты-командиры, частоты, на которых работали те и те подразделения, когда получали они задание на выход по охране госграницы, соответственно это взаимодействие отлаживалось. Мы выходили, отлаживали сутки-двое, все попробовали, на связь выходили, находили точки соприкосновения, чтоб у нас не возникало никаких вещей – и то, тем не менее, оно бывало, бывало такое. Вот

на памяти случай, мы по Керкинскому отряду выходили, тоже с той стороны, и, значит, наши пограничники, нас же, будем говорить, дружеским огнем накрыли, ну разобрались быстро, правда, часа два пришлось на солнышке пожариться, потому что, оказывается, получилось, что им кто-то не сообщил, что именно в этот день [будут выходить пограничники] – они получили, что через два дня, а тут раньше, ну это такой прямо вопиющий случай. Все живы, ну сроки не уточнили, а когда идет вооруженное подразделение, зачастую не до того. А когда уже начали выходить и узнавать, то да, говорят, мы вас через два [дня] вообще ждали, а вы раньше. А мы побыстрее управились, мы быстро бежали, пока все шли, мы бегом бежали [смеется]. Такая история, но это один раз. Кстати, пострадавших не было, и, как мы называем, дружеский огонь [был], и пришлось полежать, пожариться, но выяснили все, поэтому взаимодействие всё командиры отлаживали, тут вообще не было никаких сбоев. Я насколько помню, я Вам еще один приведу пример достаточно для меня памятный – это было уже по дембелю в 1987 году, с 8 на 9 марта нас подняли по тревоге. Я, кстати, похваляюсь, я скажу, скорее всего, [такие случаи] были во многих подразделениях... Ребята с учебки начали прибывать на нашу замену, т.е., как правило, в марте выходил приказ, и уже дембелей на боевые задания никогда не посылали... нас уже снимали с подразделений и оставляли. Подняли по тревоге с 8 на 9 марта, и когда мы начали узнавать – оказывается, боевая операция. Вот что произошло – с афганской территории ракетами земля-земля обстреляли наш Нижний Пяндж¹. Пострадавших не было, но две ракеты упали на территорию Союза, и соответственно команда была [направить] этих ребят [новобранцев], которые [были только мобилизованы на службу]. Опять же на праздник... мы ж вроде как мам поздравляли где-то мысленно, а тут такая [ситуация]. Ну и, соответственно, весь Союз этим занимался, в том числе и в Таджикистане. Я горжусь этим и могу сказать, что из нас, из тех дембелей, нас где-то было порядка 20 человек, наверно, в этот момент в дивизионе. Значит и молодых ребят, которые начали приходить, их начали распределять по подразделениям... на эту операцию боевую, но мы-то знали, чем она может закончиться. Потому что, [вздыхает] как правило, может быть, не сражения какие-то Отечественной войны, но боестолкновения возникали периодически. <...> «Все, – командир говорит, – Вы – дембеля, ребята, отслужили...». А мы все подошли к штабу, строем, красиво, все как положено в армии, заслали делегатов туда к командиру, попросили командира выйти, командир был в должности капитана первого ранга, полковник, он вышел, и мы ему сказали: «Товарищ командир, ну нельзя ребят молодых посылать, они не готовы, давайте мы сходим вместо них». А он: «Я не имею права, я не буду, ребята, ни морального, никакого». Уже домой, все уже фактически настроились, что в мае мы должны быть дома, тут осталось месяц-полтора. Мы все уже стояли с рапортами, у каждого рапорт был написан, что мы сбежим, пойдем сами [на боевую операцию] вместо молодежи. Тогда я первый раз увидел, как у взрослого мужчины слезы в глазах стояли. Командира убедили и вперед бойцы полетели. Дальше по взаимодействию как произошло: значит, первое,

¹ Нижний Пяндж – село в Кумсангирском районе Хатлонской области Таджикистана. Расположено на берегу реки Пяндж.

когда обнаружили эти стартовые столы [для ракет], обнаружили не мы, обнаружили ребята наши с Пянджского отряда, горные ДШБ [десантно-штурмовая бригада], они сказали, что из этого места производился пуск, именно этих ракет. Это место где-то в большом квадрате было окружено со всех сторон, т.е. мотострелки прибыли туда, прибыли, соответственно, мы от границы, к границе мы никого не подпускали там, в глубину, но, наверно, больше десятка, полтора [десятка] километров мы были от границы, именно от точки разделения. Местность зачистили, т.е. все были довольны, мы встретились как, как сейчас красиво говорят, «с союзниками на Эльбе» так мы с другими ребятами [из других родов и видов войск] встретились, вместе тушенки поели, куревом поделились и разбежались. Вот и взаимодействие, я могу сказать, реально такая картина, она может быть, осталась [сохранилась в памяти] почему, скорее всего потому что это был самый [трогательный] момент под дембель, который уже хочется вспоминать с улыбкой, потому что это приятно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Афганистан живет в моей душе / сост. М. Титовец. Екатеринбург: Раритет, 2006. 144 с.

Безбородых Игорь Николаевич, 1965 г.р., служил в 1984–1987 гг. в морчасти погранвойск в Афганистане. Интервьюер: Д.Д. Челпанова. Место проведения: г. Гуково Ростовской области. Продолжительность: 292 минуты. Запись: 2 июня 2017 г. Хранится в ЮИЦ РАН.

Громов Б.В. Ограниченный контингент. М.: Прогресс, 1994. 262 с.

XX век: Письма войны / сост. С. Ушакин и др. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 840 с.

REFERENCES

Afghanistan zhivet v moej dushe [Afghanistan lives in my soul]. comp. M. Titovec. Yekaterinburg: Raritet Publ., 2006. 144 p. (in Russian).

Bezborodyh Igor' Nikolaevich, 1965 g.r., sluzhil v 1984–1987 gg. v morchasti pogranvojsk v Afganistane. Interv'juer: D.D. Chelpanova. Mesto provedenija: g. Gukovo Rostovskoj oblasti. Prodolzhitel'nost': 292 minuty. Zapis': 2 ijunja 2017 g. [Shevchenko Igor N., born in 1965, served in 1984–1987 in naval unit of border troops in Afghanistan. Interviewer: D.D. Chelpanova. Place: Gukovo, Rostov Region. Duration: 292 minutes. Record: June 2, 2017]. Stored at the SSC RAS (in Russian).

Gromov B.V. Ogranichennyj kontingent [Limited contingent]. Moscow: Progress Publ., 1994. 262 p. (in Russian).

XX vek: Pis'ma vojny [XX Century: Letters of War]. Comp. S. Ushakin et al. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 840 p. (in Russian).